

ные цели и недооценка человеческого капитала. Сокращение финансирования исследований и вызванное этим обострение проблемы преемственности знаний, обесценение человеческого капитала – опыта и знаний ученых, инженеров, специалистов, сопровождающееся усилением региональной дифференциации этого процесса, низкий уровень заработной платы специалистов высокой квалификации, занятых в сферах образования, науки, здравоохранения приводит к тому, что у российской молодежи нет стимулов для работы в этих основных секторах экономики, ориентированных на знания. Меры правительства, направленные на изменение ситуации, в том числе попытки создания структур и механизмов, приспособленных к рыночным условиям, неизбежно оказываются неэффективными при недостаточном объеме бюджетного финансирования и отсутствии четко определенной государством научно-технической и в целом социально-экономической политики. Также негативно сказываются на развитии экономики знаний чрезмерное сокращение оборонно-промышленного комплекса, в котором сосредоточены многие российские высокие технологии, несправедливая приватизация, приведшая к возникновению крайнего социального неравенства и политической нестабильности. Это далеко не все последствия продолжительного и тяжелого трансформационного периода.

Однако, несмотря на перечисленные выше серьезные проблемы, увеличивающийся приток инвестиций в наукоемкие отрасли, рост производства, разрабатываемые правительственные программы по созданию кластеров науки и технологий, накопленный огромный научно-технический потенциал и высокий уровень образования населения позволяют надеяться на

перспективность и поступательность движения России к экономике, основанной на знаниях. Для реализации имеющегося потенциала и формирования новой экономики необходимо: развитие институциональных основ современной экономики, в том числе законоположений о защите прав интеллектуальной собственности; разработка системы стимулов для инвестирования в экономику знаний, льготное налогообложение высокотехнологичного бизнеса, поддержка малого инновационного предпринимательства; разработка краткосрочных и долгосрочных планов развития экономики знаний: создание необходимых условий для развития общественного образования и информационной деятельности. Россия обладает достаточным потенциалом для формирования нового типа экономического развития и ее будущее во многом зависит от того, как скоро отечественная наука и технологии получат новый импульс для дальнейшего развития и обеспечат долгосрочное участие России в мировом инновационном процессе.

Литература.

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в России/Под общ. ред. проф. С.Н.Бобылева. – М.: Весь Мир, 2004. – 160 с.
2. Кузнецов А.В. «Новая экономика» и новая экономическая парадигма // Экономическая наука современной России. 2002. – № 2. – С.5-16.
3. Костюк В.И. Нестационарные экономические процессы. – М.: УРСС, 2004. – 240 с.

Статья поступила в редакцию 02.01.2007

**Г.В. ЗАДОРЖНЫЙ, д.э.н., профессор,
В.Г. ПЕРХУН,**

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ КООПЕРАЦИИ

Проблема исследования отношений экономической власти в условиях глобализации становится центральной в комплексе социально-экономических наук. В практическом плане экономическая власть пронизывает все общественные отношения. Любой субъект социально-экономической жизни тем или иным образом вовлечен в отношения экономической власти, осуществляет поиск путей ее реализации и наращивания.

В теоретическом плане актуальность анализа экономической власти многократно возрастает в связи с формированием постнеклассической науки, объектами изучения которой становятся человекоразмерные комплексы, т. е. такие хозяйственные образования, в которых человек, находясь внутри них, осуществляет свою целенаправленную деятельность по каче-

© Г.В. Задоржный, В.Г. Перхун, 2007

ственному изменению, обновлению как окружающей среды, так и самого себя. В этом плане исследование экономической власти весьма осложняется тем, что она не может рассматриваться как чисто экономический феномен, а требует междисциплинарного подхода, исходящего из гуманистических ориентиров и обязательно сопровождающегося социальной экспертизой предлагаемых решений.

Изучением экономической власти занимаются те ученые, которые не приемлют одностороннего, в определенной мере плоскостного анализа реальности, но стремятся познать единство хозяйственной жизни во всем ее многообразии и многоуровневости. Среди них по праву следует назвать А.А. Гриценка, В.Я. Гугняка, В.В. Дементьева, Луиса О. Келсо, Патрицию Х. Келсо, В.Г. Ледяева, Э. Тоффлера, Т.А. Тюняеву, В.Ф. Халипова и др. В их работах предложены методологические подходы к исследованию власти вообще и экономической власти, а также раскрыты прикладные аспекты ее реализации в рыночной и транзитивных экономических системах. Вместе с тем сам феномен экономической власти в силу своей сложности требует дальнейшего углубленного анализа, в частности с точки зрения особенностей ее реализации в разных сферах хозяйствования.

Целью статьи является раскрытие специфики реализации экономической власти в сфере потребительской кооперации, которая функционирует не только в постсоветских странах, но и других странах мира. При этом данная специфика обусловлена самой природой потребкооперации как особой сферы общественного хозяйства, отличной от чисто рыночного хозяйства, но вынужденной функционировать в условиях становления рыночных отношений в нашей стране.

Роль и место экономической власти в хозяйственных системах весьма взвешенно и всесторонне определил В. Ойкен. Он писал, что «определение и анализ хозяйственных систем подводят нас к большой исторической проблеме – проблеме экономической власти» [8, с.116]. Эта проблема, далее отмечал он, существовала всегда, но с начала промышленной революции предстала в новой форме, ибо наступила эпоха бурного роста экономической власти. «Ее избыток характерен для наблюдавшегося до сих пор экономического развития Германии и других промышленных держав: власть отдельных фирм, власть картелей, центральных плановых органов или же союзов предпринимателей и профсоюзов» [9, с. 248]. И наиболее актуальной экономической проблемой в каждый период

развития общества становится проблема поиска меры или границ экономической власти. «Почему так важна проблема экономической власти?... Обладание властью провоцирует акты произвола, угрожает свободе людей, разрушает сформировавшиеся порядки. Вместе с тем нет социальной жизни без существования положения, дающего власть, поскольку для любой жизни в обществе, будь то в государстве или на предприятии, необходим авторитет. Друзья власти преуменьшают ее опасность, а противники – ее безусловную необходимость. Преодоление этой дилеммы, видимо, является решающей задачей любой политики, в том числе и экономической» [9, с. 248].

В эпоху глобализации проблема экономической власти обостряется и напрягается многократно: объектом властного воздействия и источником получения дохода становится глобальное мировое хозяйство с глобальными ресурсами и рынками сбыта. Присвоение глобальной ренты, прежде всего в сфере интеллектуально-ментальной, становится сверхзадачей каждого глобального экономического игрока, стремящегося подчинить себе национальные государства, правительства, компрадорскую элиту. Глобальные экспансионистские потенции экономической власти обусловлены тоталитарной природой самой власти, которая распространяется как интенсивно – перекрывая каналы влияния других типов власти, так и экстенсивно – заполняя все жизненное пространство планеты [10, с. 129-130]. Крайнее напряжение обусловлено тем, что пространственно-временное поле реализации экономической власти, разрастаясь до пределов всей планеты, сокращается словно шагреновая кожа, а поэтому каждый миг имеет слишком высокую цену, чтобы его игнорировать. Экономическая власть стремится подчинить себе все и всех, она не терпит партнерства с другими формами власти, рассматривая их в качестве своих служанок. Она делает все для того, чтобы подчинить себе и самую качественную власть – власть знания (Э. Тоффлер). Она ставит своей целью безраздельное господство экономического человека, который «готов кастрировать национальную культуру, тщательно выбраковывая все то, в чем он подозревает некоммерческое воодушевление и мужество самодостаточности. Он готов искоренить культуру самоценных форм, всюду заменив ее функциональной прикладной культурой, постоянно памятующей о пользе и отдаче. Плодотворна такая культура не в состоянии» [10, с. 128]. Сегодня экономический человек предстает в лице менеджера, вся забота

которого сводится к обеспечению производства прибыли посредством отсекаания всего не функционального, не приносящего обогащения его хозяину. Поэтому «сегодня, когда экономическая власть, с ее вездесущими агентами-менеджерами, заявляет о своей претензии на полное и безраздельное господство, в самый раз подумать о сдержках и противовесах. Ни один народ, ни одна культура не способна выжить, если в качестве господствующего мотива и императива выступает прибыль» [10, с. 129].

В этом плане, как нам представляется, следует более внимательно и глубоко изучать и широко распространять опыт кооперации человеческой деятельности в целях решения проблем выживания человека и человечества. Всесторонний анализ показывает, что наиболее экономически и социально эффективной формой хозяйства является кооператив как добровольное объединение свободных равноправных людей-партнеров для решения насущных проблем обеспечения себя продуктами и услугами ради выживания и дальнейшего качественного развития. Никакие иные формы организации общественно-производственной деятельности пока не показали столь высокого уровня социально-экономической эффективности, как современные кооперативы Германии, Швеции, Финляндии и других стран.

Кооперативы – это реальные формы широко понимаемого социального партнерства, когда те, кто заинтересован в решении тех или иных социально-экономических проблем, добровольно объединяют свои ресурсы – материальные, финансовые, трудовые, интеллектуальные и прочие – для достижения общей цели. Проблемы рационального, эффективного использования ресурсов исходно заложены в изначальных интересах партнеров, которые в своей совместно-разделенной деятельности стремятся не только не нарушить данного принципа, но и находить каждый раз новые пути его эффективной реализации за счет творческого обсуждения назревших проблем с целью выработки инновативных форм, способов, технологий обеспечения совместного интереса. Более чем 200-летняя история развития США свидетельствует, что именно посредством кооперации в виде социального партнерства всегда обеспечивалось поступательное не только количественное, но и качественное решение хозяйственных проблем [См. 5, с. 132-152]. Своим качественное будущее связывают с партнерством народы стран ЕС, НАТО и других локальных объединений.

Сегодня в условиях повсеместного наса-

ждения рыночного фундаментализма и неолберальной идеологии все настолько зомбированы идеями о конкуренции как наиболее эффективном механизме экономического развития, что мало кто может посмотреть на механизмы развития по-иному. Всеобщая манипуляция общественным сознанием, его настойчивое зомбирование происходит в постсоветских государствах, где экономикс стал очередной светской религией, оболванивающей прежде всего студентов и тех, кто получает второе высшее образование по экономическим специальностям. Апологеты экономикса, а их сегодня великое множество, заботятся не о развитии страны и народа, не о будущем нации, а лишь исправно служат интересам прибыли (не своей!), безответственно ориентируют в направлении приоритетов, обостряющих социально-экономическую ситуацию, несущих распад и деградацию.

Здесь также в большой мере сказывается молодость нашего государства, с одной стороны, и скатывание нашей политической и хозяйственной «элиты» на агро-письменный уровень⁸, – с другой. Вместе с тем, если «зреть в корень» и искать более глубинные причины, то надо отдавать себе отчет в том, что мы до сих пор скользим по поверхности, а современные телевизионные шоу целенаправленно «опускают» нашу «элиту» до уровня бытовых ссор по поводу «брехливых» обещаний (хлебом не можем обеспечить, подсовываем зрелища!). Глубинная причина, которую практически никто из ныне власть предержащих не осмысливает, сводится к тому, что «современному украинскому обществу досталась в наследство «институциональная близорукость» (institutional myopia), т. е. ему не присущи различительность, понимание и видимость институциональных различий, границ и перспектив сотрудничества всего богатого разнообразия

⁸ «Структура управления страной сохраняется закрытой, что препятствует либеральным преобразованиям и интеграции Украины в глобальное пространство. Этим доминированием аграрно-политической элиты и объясняется тот факт, что за 12 лет Украина в мирных условиях ускоренно регрессировала от развитого индустриального общества к обществу агро-письменному» [15, с. 223]. Политическая элита «не способна работать на уровне принятия стратегических решений и ответственности за них. Поэтому скорее всего сегодня нужно говорить не о политической элите, а о номенклатурной элите или правящих политических группах, которые никак не могут избавиться от признаков периферийности» [7, с. 13].

профессиональных, благотворительных, религиозных, просветительских, образовательно-культурных и хозяйственных институциональных образований. Практически все субъекты, вовлеченные в политические процессы и группы, в нашей стране характеризуются пока еще либо слабым и неадекватным по отношению к современным требованиям, либо напрочь отсутствующим концептуальным обеспечением. Они, по большому счету, не очень понимают, кто они, в чем их миссия, что они могли бы или должны были бы делать как участники политического и социально-экономического развития Украины [4, с. 63]. Если бы мыследеятельность двигалась в направлении преодоления этой институциональной близорукости, то после 15 лет независимости не пришлось бы констатировать, что более 70% населения в Украине относятся к категории бедных, ибо «у власти не хватает времени на реформы, не хватает времени на людей», а то, что делалось предыдущие 15 лет, представляет собой «смесь собственных импровизаций, а также зарубежных рекомендаций и опыта, которые переносились и насаждались на украинскую почву» [7, с. 13].

Для прорыва Украины в области повышения благосостояния всего украинского народа и повышения качества его жизни необходимо насаждаемую идеологию конкуренции заменить реальным механизмом социального партнерства. Социальное партнерство «выращивает» способы наиболее эффективного совместного взаимодействия, инженерно-технический и предпринимательский подходы, соорганизуясь с герменевтическим, интерактивным подходом, позволяет актуализировать, развивать и использовать ресурсы социокультурной предпринимательской и институциональной социоинженерии. Ценность участия в партнерстве отдельных хозяйствующих субъектов сводится к тому, что они сохраняются разными, привносят в единый процесс созидания качественно различные ресурсы и обогащают себя за счет существования как бы в двух планах: базовом, «материнском», на котором данный субъект сформировался, и новом – внутри и за счет партнерства. Поэтому «быть партнером – означает удерживать в рефлексии, в сознании и в способности оперирования как минимум две реальности. А когда партнеров много и они разные, то требования к этим способностям растут. В результате развиваются рефлексивные и эпистемологические возможности участвующих в партнерстве, повышается потенциал общественной рефлексии, растет общественное сознание и поддерживается про-

гресс знания. Обогащенная и разнообразная институциональная среда создает совершенно новые, более широкие возможности для процессов управления, развития государства и жизнедеятельности отдельных граждан и организаций» [4, с. 64]. Каждая акция партнерства является новой деятельностью, новой гибкой социально-знаниевой инфраструктурой, позволяющей осуществлять свободу и служение общему благу через участие в партнерской акции, что равнозначно действительной самореализации личности и имеет неопределимое значение для развития творчества и разработки инноваций в рамках взаимодействия разных культур и знаний.

Но социальное партнерство следует рассматривать и как особую форму реализации экономической власти, где последняя перерастает свою односторонность и превращается во власть хозяйственную. При этом целерациональность отходит на второй план, уступая место ценностной рациональности, что соответствует не только принципам постнеклассической науки, но и требованиям реализации императива выживания человечества, который стал, с одной стороны, безусловным императивом нового XXI века; с другой – малоосуществимым при дальнейшем сохранении неолиберального сценария глобализации.

Трансформация отношений экономической власти в хозяйственную власть предопределена самой природой кооператива. Б.Н. Хвостов определяет кооператив как добровольную, самодеятельную и самоуправляемую общественную организацию, которая ставит целью содействие улучшению условий жизни и труда своих членов и осуществляет наряду с общественно-массовой хозяйственную деятельность в форме предприятия, основанного на коллективной (групповой) собственности и действующего как юридическое лицо [14, с. 55]. Почти такое же определение кооператива дано XXXI конгрессом Международного кооперативного альянса (1995 г.): кооператив – «это группа людей, которая добровольно объединилась с тем, чтобы удовлетворить свои общие экономические, социальные и культурные потребности и стремления путем создания предприятия на правах общего владения и демократического управления и контроля» [цит. по: 13, с. 17]. Эти определения кооператива дают четкое понимание того, что целью его создания не является получение прибыли, а прежде всего удовлетворение потребностей своих членов через улучшение социально-экономических и культурных условий жизни и труда. Добро-

вольность объединения, демократичность управления и контроля, самодеятельность – вот те важнейшие характеристики кооператива, которые определяют характер и особенности власти в нем.

Если в кратологии (науке о власти) господствует мнение, что власть есть благо само себе, самоцель (В.В. Дементьев приводит в этой связи характерные высказывания Т. Гоббса, М. Вебера, Б. Рассела, Ф. Перру, У. Турроу [3, с. 118-119]), то в кооперативе это положение нарушается: власть здесь рассматривается как средство. Причем это средство изначально трактуется как средство деятельности всех тех, кто добровольно объединяется в кооператив. Поэтому при анализе соотношения властных потенциалов сторон власти, позволяющих выделить два основных ее типа – равная власть и власть как доминирование [3, с. 143-144], в основе создания кооператива лежит идея равной власти. Она закрепляется тем, что член кооператива, независимо от количественной характеристика пая, обладает одним голосом при принятии решений. Это значит, что весь властный потенциал кооператива состоит из права обладания равными ресурсами власти всеми его членами. И это право широко используется при обсуждении и решении тактических и стратегических вопросов и проблем жизнедеятельности кооператива.

Но вместе с тем в кооперативе существует правление как исполнительный орган кооператива, полностью подотчетный общему собранию членов кооператива и реализующий его решения. Здесь появляется как бы внутренний план реализации власти, ограниченный форматом оперативных решений, где изначально равная власть трансформируется и реализуется в качестве власти как доминирования. Но мера реализации этой внутренней власти определяется всем механизмом демократического управления и контроля, зафиксированного в уставе кооператива. Проявляется это в том, что каждый член кооператива, имеющий равный властный ресурс со всеми другими членами кооператива, может в любой момент поставить вопрос о правомерности действий тех, кто оперативно реализует власть как доминирование, в случае каких-либо нарушений процедур, определенных уставом и общим собранием членов кооператива. Тем самым поддерживается изначально заложенный в кооперативе баланс равной власти, а оперативная власть доминирования как внутренняя власть кооператива сама выступает в роли объекта власти, в силу чего она в значительной мере имеет зависимый ха-

актер и находится в поле постоянного контроля и социальной ответственности.

Эта внутренняя диалектика властных отношений в кооперативе позволяет находить оптимальные формы реализации хозяйственной власти, постоянно вынуждает искать новые эффективные пути и способы ведения кооперативного хозяйства. При этом весомым ограничителем

власти кооперативных менеджеров (их мотивом, как правило, выступает максимизация прибыли) является сама цель функционирования и развития кооператива – удовлетворение социоэкономических потребностей его членов. Прибыль здесь также рассматривается лишь как средство роста, расширения базы данного удовлетворения.

Таким образом, можно утверждать, что именно в кооперативах практически найден и реализуется эффективный механизм определения пределов экономической власти, ее подчинения удовлетворению общих социально-экономических потребностей членов кооператива. Этот механизм, в основе которого заложено социальное партнерство, не только отвечает социальной природе кооперации, но и современной тенденции и требованию социализации, которое выражается в набирающей силу и быстро развивающейся науке – социальной экономике. Ее главное отличие от традиционной экономической теории и современного экономикса состоит в том, что она в общем плане изучает процесс хозяйствования в совершенно новом ракурсе практического перехода от лозунга «жить, чтобы работать» к девизу «работать, чтобы жить» [2, с. 122].

В сфере социальной экономики кооперации и социальному партнерству отводится фундаментальная роль, ибо развитие и процветание отдельных людей, сообществ и в целом человеческого общества зависит от сотрудничества, умения находить новые пути решения сложных социально-экономических проблем через диалог и доверие. Именно такими качествами обладает кооперация. На это указывал один из основателей кооперативного движения в Англии Э.В. Нил (1810-1892), когда определял, что «кооперация – это самопомощь, но не эгоистическая. Это самопомощь людей, которые хотят помогать себе, помогая другим, которые, в свою очередь, будут помогать им. Кооперация – это сотрудничество, товарищеский труд людей, которые видят в других людях товарищей и говорят им: давайте работать вместе и делить заработанное справедливо» [Цит. по: 1, с. 18].

Вся история развития кооперативного движения и его теории свидетельствует о том, что они не могут рассматриваться в чисто экономическом плане. М.И. Зиберт, один из основателей Киевского товарищества потребителей (1868 г.), подчеркивал, что «теория кооперации в широком смысле слова есть теорией самого общества» [6, с. 21]. На это же указывает и известная исследовательница кооперативного движения Н.К. Фигуровская: «Кооперативная теория никогда не была узко экономической, она представляла собой синтетическое, многоплановое явление, включала в свой контекст духовно-моральные ценности, мощный социокультурный слой» [6, с. 17]. Более того, никто из исследователей кооперации не акцентировал внимания на том, что она преследует чисто экономические, узко эгоистические цели. Поэтому важно понимать, что подмена сути кооперации другим содержанием ведет к трансформации кооперативов в коммерческие структуры, созданию «псевдокооперативов», значительному ослаблению социальной основы кооперации [12, с. 60].

Эксплуатация - это узаконенное обществом насилие. Но самой природе человека насилие не присуще. Оно как форма зла порождается тогда, когда человек не воспринимает другого человека как брата, равного ему, а стремится господствовать. Ненасилие – это естественный путь и форма человеческой жизнедеятельности, и именно из него исходит возможность саморазвития и самореализации человека в процессе общения с равными ему другими людьми. Отсюда следует, что жизнь – это взаимовыручка, в основании которой лежит любовь как внимание к другому, где нет гордыни, злобы, зависти и зла.

Конкуренция, как и эксплуатация, основана на насилии, возводит его в систему, превращает в надчеловеческий, надличностный институт. И в этом состоит худшее из растленных человека и общества. Узаконенным обществом, конкуренция и эксплуатация становятся узаконенными силами зла. Они изначально разрушают гармонию, обрекая преимущественную часть населения страны и мира становиться несчастными, т.е. людьми второго сорта.

Насилие – слово, но насилие и дело. Слово с самого начала было делом. Из слова начинается процесс социализации человека, его воспитание, закладывание в нем определенного мировоззрения. Зачастую, забыв это положение, погрузив его «в основание», люди, особенно преподаватели, начинают не просто служить насилию, но и всячески его пропагандируют и

воспевают. Пример – повсеместное бездумное насаждение экономикса и неоинституционализма как теории зла и насилия, претендующей на вечное узаконение конкуренции и эксплуатации человека. Это неизбежность? Нет, выбор. Не всегда глубоко осознанный, ибо является следствием агрессивной манипуляции сознания. Этот выбор становится, как показывает анализ литературы, настолько безмерным и апологетическим, что в своем стремлении к пропаганде конкуренции-насилия отказывает в существовании иным хозяйственным теориям [см. схему агрессивного институционализма, охватывающего все поле экономического анализа (науки): 11, с. 22]. Об институте как насилии над живым человеком, личностью, мы уже писали неоднократно. Но нет пророков в своем отечестве. И продолжается процесс манипуляции сознанием тех, кто завтра начнет управлять страной и нашим будущим. Не пора ли остановиться и осмыслить будущее с точки зрения выбора: античеловеческая конкуренция, основанная на всеилии экономической власти, или социальное партнерство как механизм гармонизации интересов, обеспечивающий самореализацию и саморазвитие человека? Господство или равноправное объединение? Насилие или ненасилие? Зло и несчастье или любовь и дружба? В этом именно и заключена главная проблема не только нашего настоящего, но и нашего будущего.

Литература.

1. Аліман М.В., Гавриленко Ю.М. Видатні діячі кооперативного руху та їх ідеї. – Донецьк: «ПРОЕКТ», 2000. – 295 с.
2. Бородкин Ф.М. Социэкономика. Статья 1. Путь к господству над хозяйством // Общественные науки и современность. – 2006. – № 4. – С. 122-136.
3. Дементьев В.В. Экономика как система власти. – Донецк: Изд-во «Каштан», 2003. – 404с.
4. Задорожный Г.В., Коврига А.В., Смоловик В.В. Культурно-исторический смысл и практическое значение социального партнерства для Украины // Социальная экономика. – 2001. – № 1. – С. 63-68.
5. Задорожный Г.В., Коврига О.В., Смоловик В.В. Соціальне партнерство – реальний шлях до відкритого суспільства. – Харків: ХІБМ, 2000. – 192 с.
6. Кооперация. Теория, история, практика: избранные изречения, факты, материалы, комментарии. – М.: Изд.- торг. Корпорация «Дашков и К^о», 2004. – 557 с.

7. Литвин В. Украина – 15 лет неопределенности. Что дальше? // Зеркало недели, 25 ноября 2006 г. – С. 13.

8. Ойкен В. Основы национальной экономики. – М.: Экономика, 1996. – 351 с.

9. Ойкен В. Основные принципы экономической политики. – М.: Прогресс, 1995. – 496 с.

10. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416 с.

11. Постсоветский институционализм. – Донецк: Изд-во «Каштан», 2005. – 480 с.

12. Скляр Г.П. Філософія кооперації. –

Полтава: “ІнтерГрафіка”, 2006. – 100 с.

13. Скляр Г.П. Феномен кооперації. – Полтава: “ІнтерГрафіка”, 2004. – 92 с.

14. Теория кооперации. – М.: Экономика, 1982. – 304 с.

15. Удовик С.Л. Особенности современной политико-экономической элиты Украины в контексте глобализации // Социальная экономика. – 2003. – № 1. – С. 216-226.

Статья поступила в редакцию 09.01.2007

Н.К. ГАЛАБУРДА, к.э.н., доцент,

Киевский национальный экономический университет им. Вадима Гетьмана

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Проблемы методологии являются ключевыми элементами всей сферы научного знания и прикладных аспектов его использования. Взаимовлияние и взаимообусловленность методологии науки и методологии практической деятельности придают им особый статус в периоды общественных преобразований. В той же степени, в которой развитие и дифференциация методов практической деятельности обогащает сферу научного исследования явлений и процессов реальной действительности, усовершенствование методов научных исследований обуславливает расширение сферы прикладного использования законов и их функционирование.

Вся логическая структура форм научных знаний базируется на способах познания предмета исследований. Предмет экономической науки представляет собой исторически-объективную уникальную последовательность взаимосвязанных фактов реальной экономической действительности, которая имеет истоки в прошлом и обуславливает будущую, что формирует основные требования к адекватной интерпретации фундаментальных выводов относительно этих фактов, через раскрытие логических взаимосвязей используемых инструментов. Усложнение социально-политических и экономических процессов в современном обществе накладывает дополнительные требования относительно релевантности их анализа и объяснения в научных исследованиях. Хаотичность экономических преобразований на постсоветском пространстве, экспансия принципиально новой системы экономических знаний спровоцировали неадекватность научного восприятия фундаментальных теорий, концепций и моделей, вследствие чего возникают разнооб-

разные стимулы к проведению необоснованных социальных экспериментов, что имеет следствием неисчислимы общественные потери.⁹

Практика проведения реформ не учитывает, что принятие формальных норм в принципе не решает проблемы организации новой социально-экономической системы. Экономические институты, которые формируют поведение субъектов хозяйствования, кроме формального права, сопряжены с большим количеством неформальных норм. Поэтому теория трансформации экономической системы общества должна учитывать не только существующие социально-экономические и политические детерминанты, но и предыдущий период развития общества, его историю, традиции, психологию и отличительные свойства общественного самосознания - менталитет. Важным элементом теории реформирования выступает система взглядов на принципы институциональной трансформации в структуре избранных экономико-политических социальных и организационных ограничений, которая основывается на гипотезе о непрерывности экономических превращений в обществе и зависимости результатов преобразований от их развития (Path dependence).

Основываясь на нормативных принципах методологии научного познания, предметом

⁹ Более детально о проблемах осознания методологии экономической науки см.: Малый И., Галабулда Н. Экономическая наука: проблемы осознания методологии // Экономика Украины. – 2006. – № 9 (538). – С. 45-55.